

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.132.133>

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКЕ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Научная статья

Чжао Ц.¹, Третьяк И.Р.^{2,*}

¹ ORCID : 0009-0008-7225-564X;

² ORCID : 0000-0002-9549-6736;

¹ Хэйлунцзянский университет, Хэйлунцзян, Китай

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.М. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (1322155848[at]qq.com)

Аннотация

Среди многих русских писателей Ф.М. Достоевский является одним из самых выдающихся писателей религиозной мысли, а произведения Ф.М. Достоевского и их главные герои вызвали интерес критиков религиозной литературы Серебряного века, которые интерпретировали религиозный подтекст произведений Достоевского и их главных героев со своих собственных позиций, формируя уникальный взгляд на религиозную литературную критику. В данной статье используется влияние Ф.М. Достоевского на философскую мысль Д.С. Мережковского, философию трагедии Л.И. Шестова, общую теорию христианской сексуальности В.В. Розанова в качестве примера, чтобы объяснить влияние Достоевского на критику религиозной литературы в Серебряном веке.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, религиозно-философская критика, Серебряный век.

REFLECTION OF F.M. DOSTOEVSKY'S IDEAS IN RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL CRITICISM
OF THE SILVER AGE

Research article

Zhao Q.¹, Tretyak I.R.^{2,*}

¹ ORCID : 0009-0008-7225-564X;

² ORCID : 0000-0002-9549-6736;

¹ Heilongjiang University, Heilongjiang, China

² Ural Federal University after named by first President of Russia B. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

* Corresponding author (1322155848[at]qq.com)

Abstract

Among many Russian writers, F.M. Dostoevsky is one of the most prominent writers of religious thought, and his works and their main characters aroused the interest of religious literature critics of the Silver Age, who interpreted the religious subtext of Dostoevsky's works and their main characters from their own positions, forming a unique perspective on religious literary criticism. This article uses the influence of F.M. Dostoevsky on the philosophical thought of D.S. Merezhkovsky, the philosophy of tragedy of L.I. Shestov, the general theory of Christian sexuality of V.V. Rozanov as an example to explain Dostoevsky's influence on the criticism of religious literature in the Silver Age.

Keywords: F.M. Dostoevsky, religious and philosophical criticism, Silver Age.

Введение

Отношения между человеком и богом являются одной из основных богословских тем в Русской Православной Церкви, а также центральной идеей в русском религиозном литературоведении. Это отношение называется в Восточной Православной Церкви как Богочеловек и Богочеловечество: «Богочеловек относится ко Христу Иисусу, а Богочеловечество относится к идеальному человеку будущего» [17, С. 342]. В представлении Православной Церкви человеческая природа и божественность являются равными понятиями, русская религиозная философия из соответствующих доктрин в Православной Церкви сформировала христианское гуманистическое учение с русскими особенностями, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский и другие являются важными представителями этого учения. Они выдвинули идею индивидуализма с сильным религиозным колоритом, по мнению философов человеческая природа всегда божественна и является определенным религиозным мистицизмом в человеческой природе. По мнению критиков религиозной литературы писатели могут создавать прекрасные произведения только с точки зрения «божественной человечности», поэтому в процессе интерпретации литературных произведений они склонны анализировать общий духовный мир писателей и формировать свой собственный уникальный критический взгляд на религиозное исследование человека и Бога как глубокую коннотацию собственной литературной критики.

В мире литературы идея «богочеловека» ближе к реальности, она стала авторской лабораторией для исследования развития человеческого духа и индивидуального самоискупления в реальном мире, а многие действующие лица достигли духовного совершенства на пути осмысления «богочеловека» или упали в пучину вырождения. Можно сказать, что православная мысль стала важной пищей для русской литературы.

Творчество Достоевского – это исследование и эксперимент религиозно-философской мысли, которая постоянно пересекает границы веры и ее пределы, раскрывая всю глубину человеческой души и все ее противоречия. Духовное путешествие многих главных героев Достоевского – это, по существу, разные этапы развития идеи «богочеловека» в конкретной личности. Достоевский позволяет увидеть настойчивость и сомнение, борьбу и колебания в реальной человеческой природе, связывая судьбу героев с реализацией «богочеловека». Философ В.С. Соловьёв провозгласил: «Личность человеческая – и не личность человеческая вообще, не отвлечённое понятие, а действительное, живое лицо, каждый отдельный человек – имеет безусловное, божественное значение» [14]. Достоевский стал средоточием общего внимания многих религиозных философов России в Серебряном веке, которые интерпретировали религиозные краски, содержащиеся в произведениях Достоевского и их главных героев, со своих позиций, формируя уникальный взгляд на религиозную литературную критику.

Уникальные религиозные убеждения, глубокая национальная уверенность в себе

Авторы религиозно-философской критики Серебряного века сосредоточились на исследовании глубокой религиозной идентичности, скрытой в творчестве Достоевского, и сложного соотношения между человеческой духовной дилеммой предопределения и поиском свободы воли. Н.О. Лосский пишет, что в повседневной жизни писатель колебался «между титаническими страстями, раздирающими душу, и просветлениями души, восходящими до порога святости» [10]. Главным вопросом для Достоевского, по его собственному признанию, был вопрос веры. В известном письме к Н.Д. Фонвизинной он пишет: «Я скажу Вам про себя, что я дитя века, дитя неверия и сомнения... Если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». В романе «Братья Карамазовы» решение этого вопроса, прежде всего, происходит через образы братьев Ивана и Алеши, вот какую характеристику дает Достоевский своему герою Алеше Карамазову: «...он был юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с неперемным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью» [5, С. 19]. По мысли Достоевского, образ Алексея – воплощение сердечной веры, основная его черта – религиозность, истинная черта русского характера, которая выражается не в строгом соблюдении обрядов, а в истинном человеколюбии. Главной задачей своего героя Достоевский видит защиту веры Христовой, благословляя Алешу на «великое послушание миру», Старец Зосима скажет: «Мыслью о тебе так – изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь, как инок... Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь и жизнь благословишь и других благословишь заставишь, – что важнее всего...» [5, С. 213]. Алеша Карамазов являет собой воплощение не только религиозности, но и страстности, как соединение небесного и земного, не случайно Достоевский подчеркивает, что Алеша «пышет здоровьем» и крепко стоит на ногах, он полон стихийной карамазовской жизненности. Кульминацией духовного перерождения Алеши становится явление ему во сне Каны Галилейской, Алёша выходит из кельи и падает на землю в акте примирения с землёй, а значит, и со всем тем, что было дорого и близко ему. «Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю... простить хотелось ему всех и за все, и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а «за меня и другие просят», прозвенело опять в душе его» [5, С. 267]. В соприкосновении, единении земли и неба есть суть христианства, Мережковский подчеркивает, что «это глубочайшее откровение христианства в русской, может быть, и во всемирной культуре. Доныне казалось нам, что быть христианином значит любить небо, только небо, отрекаясь от земли, ненавидя землю. Но вот христианство – не как отречение от земли, не как измена земле, а как новая, еще небывалая "верность земле", новая любовь к земле, новое "целование земли"» [11]. Дух сомнения, который был в сердце Алёши, побеждён «вином радости новой», во сне герой постигает тайну брачного пира в Канне Галилейской, происходит духовное перерождение, Алёша принимает порядок земной и небесный, находит Бога в себе.

Одним из самых сложных образов является Иван Карамазов, который бунтует против Бога, сознание его разрывается между верой и неверием, о нем старец Зосима говорит: «Но благодарите Творца, что дал вам сердце высшее, способное такую мукой мучиться, «горняя мудрствовать и горних искати, наше бо жителство на небесех есть» [5, С. 53]. Осознав себя грешником, Иван приходит к очищению, обретает способность любить ближнего, в его сумасшествии есть покаяние. По мнению Розанова и Мережковского, герои романа Достоевского воспроизводят мысли и чувства самого автора, его нравственные искания, пытаются раскрыть тайну, касающуюся личности человека. «Всё, что говорит Иван Карамазов, – говорит сам Достоевский», – считает В.В. Розанов [13, С. 66]. «Он извлек из той же глубины своего духа и легенду об отце Зосиме, и бессмертный тип подлого лакея Смердякова. Вот что ужасно! Кто же он сам? Кто он, наш мучитель и друг, Достоевский? Ангел сумерек или ангел света?», – спрашивает Мережковский [12, С. 222].

В романе «Бесы» на первый план выходит трагедия веры и неверия, борьба Христа с Антихристом, роман основан на реальных событиях: участники революционного кружка под предводительством С. Нечаева (в романе Петр Верховенский) убивают студента, который перестал разделять их убеждения. Теория Раскольникова в этом романе многократно усилилась, разговорщики вершат судьбы людей, человечества под предводительством Верховенского, который говорит: «Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет... Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство» [4, С. 222]. Цель жестокого, лживого Верховенского с помощью революции изменить будущее России, уничтожить науку, образование, пустить везде пьянство и разврат, тем самым превратив общество в стадо, чтобы потом управлять этим стадом. Не случайно эпиграфом к роману является притча из Евангелие от Луки о том, как бесы вошли в стадо свиней. Стадо не способно мыслить свободно, нет права выбора, все равны. Верховенскому вторит его идейный соратник Шигалев: «Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятками. Те же должны потерять личность и обратиться

вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений, вроде как первобытного рая» [4, С. 215]. Люди, развращенные революционной пропагандой, теряют нравственные ориентиры между добром и злом. Идея «человекобога», а не «богочеловека» лежит в основе их идеологии, которая созвучна с теорией Ницше о сверхчеловеке, возвысившего самого себя, но у такого человека нет божественного начала, есть только животное. Николай Бердяев противопоставляет человекобога и богочеловека. Он называет человекобога – «религией хлеба земного», а богочеловека – «религией хлеба небесного». Он считает, что религия хлеба небесного – это религия «великих и сильных», а религия хлеба земного – это религия слабых людей. Бердяев называет человекобогов людьми сиюминутных желаний и искушений: «соблазненный социалистической религией человек предает свою духовную свободу за соблазн хлеба земного» [1, С. 143]. В этом состоит библейское толкование этих понятий Достоевским: Богочеловек трактуется как Бог, а в образе человекобога воплощен Антихрист.

По мнению Достоевского, духовная свобода необходима для развития России, устами Шатова говорит автор романа «Бесы», он говорит о православии и набожности русского народа и о его историческом предназначении, о великой миссии русского народа, а спасение видит в следовании библейским заповедям и верности единому Богу: «Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должностную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. <...> Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственное лишь искание Бога, и вера в него как в единого истинного» [4, С. 135].

Причина, по которой Достоевский смог вызвать сильный резонанс у многих мыслителей Серебряного века, во многом зависела от глубины его идейного понимания страны и нации. Это понимание впервые отражено в раскрытии национальной религии и свободы вероисповедания. В 1877 году в статье «Три идеи» из «Дневника писателя» Достоевский утверждал, что в мире формулируются три основных идеи: католическая, протестантская и славянская. По мнению Достоевского, эти три религиозные идеи стали основными идеологическими течениями, влияющими на текущее развитие мира и определяющими будущее направление. Католическую идею Достоевский считал антихристианской, вместо образа Христа католичество поставило образ Римского государства, воплотив его в виде «папства». Идею протестантизма прежде всего выражала германская нация, которая выступала против католичества и была близка к атеизму. Достоевский писал: «...чуть исчезнет с земли католичество, исчезнет за ним вслед и протестанство наверно, потому что не против чего будет протестовать, обратится в прямой атеизм и тем кончится» [6]. Достоевский был полон уверенности в неповторимом духовном темпераменте славянской нации, и средоточием этой национальной уверенности была духовная свобода славянской нации, основанная на богословских верованиях Православной Церкви, католичество и протестантизм давно утратили способность влиять на будущий мир и со временем будут заменены славянской мыслью. Глубокое почитание и поклонение национальным религиозным верованиям привели Достоевского к мечте создать единую вселенскую церковь во всем мире: одухотворенную совокупность всех людей независимо от расы и сословия. Не случайно Бердяев пишет о Достоевском как о до глубины души русском гении: «Творчество Достоевского есть русское слово о всечеловеческом. И потому из всех русских писателей он наиболее интересен для западноевропейских людей. Они ищут в нем откровений о том всеобщем, что и их мучит, но откровений иного, загадочного для них мира русского Востока. Понять до конца Достоевского – значит понять что-то очень существенное в строе русской души, значит приблизиться к разгадке тайны России» [1, С. 12].

Для критиков религиозной литературы в Серебряном веке важнейшая ценность произведений Достоевского отражается в его сильном отождествлении с национальной религией и бесконечном почитании духовных верований. Критические сочинения Мережковского основаны на религиозно-философской концепции. В своей монографии «Л. Толстой и Достоевский» Д.С. Мережковский сопоставляет творчество и мировоззрение двух великих писателей: «таковы они в своем вечном противоречии и вечном единстве, – эти два демона русского Возрождения – тайновидец плоти, Л. Толстой, тайновидец духа, Достоевский; один – стремящийся к одухотворению плоти; другой – к воплощению духа» [11]. Достоевский заглядывает в глубину человеческой души, проводит ее через муки и страдания, через мрак и нищету, через раздвоение, но в этом хаосе человеческая душа не гибнет, а возрождается. «Достоевский – этот величайший реалист, измеривший бездны человеческого страдания, безумия и порока, вместе с тем величайший поэт евангельской любви... праведен тот, кто больше всех сознает свою человеческую слабость и порочность и потому больше всех жалеет и любит людей», – пишет Мережковский [12, С. 194-195]. Мережковский утверждал, что отрицание Л.Толстым института церкви, ее богословского аспекта, приведет к историческому тупику и уничтожению нации. В религии Толстой признавал лишь этическую сторону, при этом не признавал христианских обрядов и таинств. Мережковский считает церковь частью всемирной русской культуры и отрицать церковь – это значит отрицать сущность русского народа, поэтому традиционные православные идеи Достоевского автору монографии ближе.

Достоевский – христианский писатель, в каждом своем произведении он обращается к вечным темам, использует библейские сюжеты и символы, интегрирует противоречия и противоположности Христа и Антихриста в характеристику своих героев. В последнем преступнике он видит искру Божию, как залог возрождения и спасения, через обращение к Христу происходит возрождение личности.

Антирациональная философия трагедии

Рассматривая восприятие мировоззренческих позиций Достоевского, следует отметить его исследования сущностных характеристик русской нации. Достоевский считал, что религиозность является одной из непреходящих черт России. В связи с этим Достоевский в своем сборнике очерков «Зимние заметки о летних впечатлениях» подробно описал то, что он видел и чувствовал во время своих путешествий по Европе в 1862 г., в них он делился с читателем размышлениями об исторической судьбе России и Европы. Достоевский отмечал, что Россия имеет свой самобытный цивилизационный путь, свою миссию в мире. По словам самого Достоевского его целью было понять,

«...каким образом на нас в разное время отражалась Европа – и постепенно ломилась к нам с своей цивилизацией в гости, и насколько мы цивилизовались, и сколько именно нас счетом до сих пор отцивилизовалось?» [8, С. 398]. Писатель отмечал, как сильна страсть стяжательства в европейском обществе, в то время как в русском народе есть инстинктивная тяга к братству, единению, согласно: «в западном человеке нет братского начала, а, напротив, начало единичное, личное, беспрерывно ослабляющееся, требующее с мечом в руке своих прав» [8, С. 428]. Достоевский настаивал на главном евангельском тезисе, который сделает счастливым общество, он основан на чувстве, а не на разуме: «Любите друг друга, и все сие вам приложится» [8, С. 430].

Хотя западное общество достигло научного прогресса и развитой индустриальной цивилизации, чувствительный Достоевский осознает кислую жизнь многих людей на дне. Они порабощены современными машинами, их дух становится все более онемелым, христианские убеждения вымещает преклонение перед властью золотого мешка.

Л. Шестов в своей книге «Достоевской и Ницше (Философия трагедии)» сравнил творчество православного писателя с философией Ницше, он сближает их творчество, считая, что в основе лежит трагический опыт разочарования в нравственности и морали, именно падший человек становится объектом исследований Достоевского и Ницше, которые пытаются заглянуть в психологию личности «подпольного» человека. Отталкиваясь от этой идеи Достоевского, Шестов развил ее в собственную «философию трагедии», он уходит от идеала любви к ближнему и разоблачает нравственность как лицемерие и ложь.

Вслед за Л. Шестовым Бердяев скажет: «Сократ, Платон, добро, гуманность, идеи – весь сонм прежних ангелов и святых, оберегавших невинную человеческую душу от нападений злых демонов скептицизма и пессимизма, бесследно исчезает в пространстве, и человек перед лицом своих ужаснейших врагов впервые в жизни испытывает то страшное одиночество, из которого его не в силах вывести ни одно самое преданное и любящее сердце. Здесь – то и начинается философия трагедии...» [2, С. 5].

Л. Шестов извлек образ «подпольного человека» из повести «Записки из подполья» Достоевского, полагая, что духовное потрясение, с которым столкнулся «подпольный человек», точно представляло истинное душевное состояние большинства интеллектуалов в русском обществе того времени. Мысли «подпольного человека» близки к истинным чувствам самого Достоевского и совпадают с религиозной философией Л. Шестова о противостоянии рационализму и стремлению к индивидуальной свободе. Для Л. Шестова источником философии становились человеческие страдания и осознание безнадежности и трагедии человеческого бытия.

По мнению Л. Шестова, Достоевский полностью утвердил бессознательные желания в человеческом духовном мире, призвал к пробуждению индивидуального жизненного сознания, открыв тем самым трагическое поле. Шестов считает, что Ницше на Западе и Достоевский в России являются духовными сверхлюдьми, вошедшими в это поле. Именно под их руководством духовная борьба против господства западной науки и техники и рационализма стала реальностью, философ выдвигает тезис о принципиальной несовместимости философии и науки. Наука не может решить проблем, терзающих человека, так как природа человека вообще не может быть доступна через научное познание. Шестов считал, что все живое антирационально, человек руководствуется не только разумом, но и верой, только в вере он видел свободу от общепринятых суждений. В отрицании рациональности заключается спор героя с ключевыми доктринами европейского практицизма: «Читатель внезапно и совершенно с удивлением увидел, что пока Достоевский писал другие романы и очерки, в нем возник страшнейший кризис, кризис, который может произвести и пережить только человеческий разум» [16, С. 30].

По мнению Л. Шестова, в «Записках из подполья» Достоевский постепенно отказывается от своих прежних социальных убеждений и гуманистических идеалов, выдвинув мысль о том, что нет ничего крамольного в том, чтобы подвергать сомнению все авторитетные идеи. Образ подпольного человека – образ свободного человека. По словам Шестова, «Записки из подполья» есть публичное – хотя и не открытое – отречение от своего прошлого. «Не могу, не могу больше притворяться, не могу жить в этой лжи идей, а другой правды нет у меня; будь что будет» – вот что говорят эти записки» [15, С. 33]. Таким образом, в своей работе «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» Л. Шестов глубоко и точно почувствует то разочарование в общественном служении, которое пережил уже после каторги Достоевский. По мнению Л. Шестова, «подпольный человек» полностью является выразителем мыслей самого Достоевского, который говорит: «Я уж ненавижу тебя, потому что я тебе тогда лгал. Потому что я только на словах поиграть, в голове помечтать, а на деле мне надо, знаешь чего: чтоб вы провалились, вот чего! Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» [7]. По мнению философа это означало, что гуманистическая идеология служения последнему человеку, с которой писатель выступал прежде в своих произведениях, претерпела катастрофу, она ложь, в которой он сам сознается.

Акцент на сущности человеческой природы

Достоевский – философ, именно философское мышление о человеческой дилемме определяет отношение Достоевского к религии и национальности, а более глубоким воплощением этого мышления является писательский анализ сущности человеческой природы, от чиновника Голядкина в «Двойнике», до Ставрогина в «Бесах», Раскольникова в «Преступлении и наказании», а затем до Ивана в «Братьях Карамазовых». Достоевский точно дистиллировал уникальную человеческую характеристику русской нации: двойственность. Русская религия, культура, язык и даже быт пронизаны элементами двойственности: «Двуглавый орел, традиционный символ государственности, кажется настолько важным, что он означает самосознание российской нации, и что две исторические столицы страны, Москва и Санкт-Петербург, связаны двумя разными ценностями» [18, С. 75]. Достоевский ввел эту двойственность в понимание самого человека, что очень ценно в глазах религиозных литературоведов Серебряного века, а религиозное литературоведение сосредоточено на человеческой личности. Феномен двойничества у Достоевского впервые открыл Мережковский, парные герои для него воплощали онтологический дуализм: «Так у Достоевского все трагические борющиеся пары самых живых реальных людей, которые кажутся себе и другим едиными, целыми существами, – на

самом деле, оказываются только двумя половинами какого-то «третьего» расколотого существа – половинами, ищущими одна другую – друг друга преследующими двойниками» [11]. Двойничество связано с обращением Ф.М. Достоевского к внутреннему миру героя, познанию тайн его души, раскрытию внутренних, подсознательных, психологических мотивов того или иного поступка героя. Писатель в своем творчестве показывает, как действительность влияет на сознание человека, его внутренний мир. Бездушные общества, по мнению Достоевского, вынуждают человека уйти в свой сумрачный мир, нездоровые фантазии. Двойственность скрывается лишь в сознании его героев, сознание в свою очередь порождает двойника, собственную противоположность самому себе.

Наиболее ярко характерные черты феномена двойничества воплотились в романе Достоевского «Преступление и наказание». Достоевский вводит двойников Раскольникова, чтобы наиболее полно и глубоко раскрыть образ главного героя. Так или иначе, каждый из двойников призван раскрыть черты характера Раскольникова, обнажить темные и светлые свойства его души, оправдать или опозорить его идеалы, свергнуть его в пучину отчаяния или воскресить.

Одним из двойников Раскольникова является П.П. Лужин, как и главный герой, Лужин изобретает свои теории, которых потом придерживается, первая – теория бедных жен, чтобы жена была из бедной семьи, такая жена всю жизнь будет считать своего супруга спасителем, благодетелем. Вторая – теория целого кафтана: от благополучия отдельной личности зависит благополучие общества, чем благополучней он, Лужин, тем благополучней общество, эта теория оправдывает его эгоизм. «Наука же говорит: возлюби, прежде всего, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроено частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твёрдых оснований и тем более устраивается в нём общее дело» [9, С. 76]. Эта теория по сути очень похожа на теорию Раскольникова, у которого есть своя «наполеоновская» теория о делении людей на два разряда, о праве личности «переступить» для достижения своей цели.

Другим двойником является Аркадий Иванович Свидригайлов, человек безнравственный, отринувший мораль и переступивший через нравственные законы. Свидригайлов руководствуется принципом «единичное зло позволительно, если главная цель хороша», он является идейным двойником Раскольникова. Теория Раскольникова оправдывает жертвы во имя благой цели, позволяет одному человеку считать себя выше других, стать наряду с великими; теория Свидригайлова оправдывает жертвы во имя личного интереса.

Оба «переступили через кровь», совершили преступление, но у Родиона Раскольникова доброе сердце, он умеет сопереживать, чувствовать, страдать, он постоянно мучается и тяготится своим преступлением, которое пытается оправдать великими идеями добра и справедливости. Свидригайлов «переступил» без нравственных терзаний, он цинично откровенен, сам он себя не оправдывает и оправданий не ищет, не стесняется своей морали и бесстыдно излагает факты своих пошлых поступков: купля – продажа, смысл всего сущего, этот закон примитивного общества для него существует и в любовных отношениях. Вместе с тем он способен и на добрые дела, помогает детям, и на великодушные и, возможно, на любовь. Свидригайлов не только карикатура Раскольникова, но и фигура трагическая, его самоубийство – это невозможность примирить в душе осознание, что он отвергнут чистым существом, Дуней Раскольниковой. Добродетель и порок несовместимы, это открытие потрясло его: «Так не любишь? – тихо спросил он. Дуня отрицательно повела головой. И... не можешь?.. Никогда? – с отчаянием прошептал он. Никогда! – прошептала Дуня. Прошло мгновение ужасной, немой борьбы в душе Свидригайлова» [9, С. 254]. Самоубийство Свидригайлова имеет и метафорическое значение – это окончательная гибель и подтверждение несостоятельности теории Раскольникова, она была его иллюзией и самообманом.

Важнейшим аспектом в романе являются христианские мотивы, обращение писателя к религиозному сознанию, его волнуют проблемы добра и зла, греха и святости, гордыни и смирения.

Его главный герой проходит путь очищения через страдания, любовь и веру, не случайно Соня Мармеладова дает Раскольникову Евангелие, и, читая его, он возрождается к жизни. Притча о воскрешении Лазаря, которую Соня читает Раскольникову на четвертый день, является символом духовного воскрешения Раскольникова. Сон Раскольникова имеет связь с Апокалипсисом, концом света, род людской погибает из-за невозможности слышать друг друга, каждый считает себя правым, теряет возможность различать добро и зло, истину и ложь. Раскольников увидел последствия своей теории: разрешение крови по совести.

Главного героя Достоевского воскресила вера, Соня – проводник Раскольникова, который помогает прийти к Богу, взяв Евангелие, он чувствует обновление в душе. Соня и Раскольников – двойники, оба совершают преступления, но разные: преступление Раскольникова ради идеи, чтобы возвысить себя, преступление Сони – ради других людей, для их спасения. Раскольникова и Соню воскресила любовь, это союз людей, которые много претерпели и страдали, но объединила их не только любовь друг другу, но и любовь к Богу. Раскольникову была возвращена человечность – в этом воплотились христианские мотивы романа.

В глубине человеческой природы Достоевский открывает добро и зло, сатанинское и ангельское, суть противоречий и внутренней борьбы, через страдания и трагическую судьбу человек осознает свое предназначение и приходит к Богу. По словам Н. Бердяева, «открытия Достоевского не могут быть сопоставлены ни с кем и ни с чем. И постановка темы о человеке и способы разрешения ее у него совершенно исключительны и единственны. Он интересовался вечной сущностью человеческой природы, ее скрытой глубиной, до которой никто еще не добирался» [3].

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что творчество Ф.М. Достоевского вывело русский философский дух на новый уровень, а его литературные произведения сами по себе являются предшественниками экзистенциальной философии. Его романы содержат богатые философские размышления, в том числе глубокие вопросы о судьбе личности и уникальном понимании национального духа. Эти религиозно-философские размышления, отраженные в творчестве Достоевского, совпадают со взглядами религиозной литературоведческой критики позднего Серебряного века, становясь связующим звеном между религиозной культурой и поэтическим творчеством.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.132.133.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.132.133.1>

Список литературы / References

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев. — Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. — 238 с.
2. Бердяев Н.А. Трагедия и обыденность / Н.А. Бердяев — М.: Т8RUGRAM, 2018. — 100 с.
3. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев // Яков Кротов. История. — 1989. — URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_301.html. (дата обращения: 06.04.23)
4. Достоевский Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский. — СПб: Издательская группа «Азбука-классика», 2008. — 362 с.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский — М.: ДА!Медиа, 2014. — 544 с.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Три идеи [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский // Библиотека русской и советской классики. — 1995. — URL: <https://traumlibrary.ru/book/dostoevsky-pss15-14/dostoevsky-pss15-14.html#s001001001001>. (дата обращения: 29.05.23)
7. Достоевский Ф.М. Записки из подполья. II [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский // Интернет Библиотека Алексея Комарова. — 2000. — URL: <https://ilibrary.ru/text/9/p.20/index.html>. (дата обращения: 29.05.23)
8. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах; — Вып. 4. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. — с. 748-764.
9. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский // 100 лучших книг всех времен. — 1866. — URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Dostoevskiy_Prestuplenie_i_nakazanie.pdf. (дата обращения: 29.05.23)
10. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание [Электронный ресурс] / Н.О. Лосский // Азбука Веры. — 1953. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/>. (дата обращения: 29.05.23)
11. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский [Электронный ресурс] / Д.С. Мережковский // Предание.ru. — 2000. — URL: <https://predanie.ru/book/189623-l-tolstoy-i-dostoevskiy/>. (дата обращения: 29.05.23)
12. Мережковский Д.С. Вечные спутники / Д.С. Мережковский // Полное собрание сочинений: В 24 т.; — Вып. 18. — М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. — 279 с.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / В.В. Розанов — М.: Республика, 1996. — 704 с.
14. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве [Электронный ресурс] / В.С. Соловьев // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. — 2000. — URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/SOLOWIEW/chteniya.txt>. (дата обращения: 06.04.23)
15. Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) [Электронный ресурс] / Л. Шестов // Русский путь: pro et contra. — 2020. — URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/17_Shestov2.pdf. (дата обращения: 06.04.23)
16. 方珊. 舍斯托夫集 / 方珊. — 上海: 上海远东出版社, 2004年版. — 第39页
17. 张百春. 当代东正教神学思想 / 张百春. — 上海: 上海三联书店, 2000年版. — 第507页
18. 张变革. 当代国际学者论陀思妥耶夫斯基 / 张变革. — 北京: 北京大学出版社, 2014年版. — 第75页

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berdyayev N.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's Worldview] / N.A. Berdyayev. — Prague: The YMCA PRESS Ltd., 1923. — 238 p. [in Russian]
2. Berdyayev N.A. Tragediya i oby'dennost' [Tragedy and Ordinary] / N.A. Berdyayev — M.: Т8RUGRAM, 2018. — 100 p. [in Russian]
3. Berdyayev N.A. Otkrovenie o cheloveke v tvorchestve Dostoevskogo [Revelation about Man in the Works of Dostoevsky] [Electronic source] / N.A. Berdyayev // Yakov Krotov. History. — 1989. — URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_301.html. (accessed: 06.04.23) [in Russian]
4. Dostoevsky F.M. Besi [Demons] / F.M. Dostoevskii. — SPb: Publishing Group «Azбука-klassika», 2008. — 362 p. [in Russian]
5. Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy' [Brothers Karamazov] / F.M. Dostoevskij — M.: DA!Media, 2014. — 544 p. [in Russian]
6. Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya. 1877. Tri idei [Writer's Diary. 1877. Three Ideas] [Electronic source] / F.M. Dostoevskij // Library of Russian and Soviet Classics. — 1995. — URL: <https://traumlibrary.ru/book/dostoevsky-pss15-14/dostoevsky-pss15-14.html#s001001001001>. (accessed: 29.05.23) [in Russian]
7. Dostoevskij F.M. Zapiski iz podpol'ya. II [Notes from Underground. II] [Electronic source] / F.M. Dostoevskij // Internet Library of Alexey Komarov. — 2000. — URL: <https://ilibrary.ru/text/9/p.20/index.html>. (accessed: 29.05.23) [in Russian]

8. Dostoevskii F.M. Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh [Winter Notes about Summer Experiences] / F.M. Dostoevskii // Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij v 15 tomah [Dostoevsky F.M. Collected Works in 15 Volumes]; — Issue 4. — L.: Nauka, Leningrad branch, 1989. — p. 748-764. [in Russian]
9. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment] [Electronic source] / F.M. Dostoevskij // 100 Best Books of All Time. — 1866. — URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Dostoevskiy_Prestuplenie_i_nakazanie.pdf. (accessed: 29.05.23) [in Russian]
10. Losskij N.O. Dostoevskij i ego xristianskoe miroponimanie [Dostoevsky and His Christian Worldview] [Electronic source] / N.O. Losskij // ABC of Faith. — 1953. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/>. (accessed: 29.05.23) [in Russian]
11. Merezhkovskij D.S. L. Tolstoj i Dostoevskij [L. Tolstoy and Dostoevsky] [Electronic source] / D.S. Merezhkovskij // Predanie.ru. — 2000. — URL: <https://predanie.ru/book/189623-l-tolstoy-i-dostoevskiy/>. (accessed: 29.05.23) [in Russian]
12. Merezhkovskij D.S. Vechnie sputniki [Eternal Companions] / D.S. Merezhkovskij // Complete Works: In 24 volumes; — Issue 18. — M.: I.D. Sitin's Partnership, 1914. — 279 p. [in Russian]
13. Rozanov V.V. Sobranie sochinenij. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Literaturny'e ocherki. O pisatel'stve i pisatelyax [Collected Works. Legend of the Grand Inquisitor F.M. Dostoevsky. Literary Essays. About Writing and Writers] / V.V. Rozanov — M.: Respublika, 1996. — 704 p. [in Russian]
14. Solov'ev V.S. Chteniya o bogochelovechestve [Readings on Godmanhood] [Electronic source] / V.S. Solov'ev // Lib.Ru: Library of Maxim Moshkov. — 2000. — URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/SOLOWIEW/chteniya.txt>. (accessed: 06.04.23) [in Russian]
15. Shestov L. Dostoevskij i Niczsche (Filosofiya tragedii) [Dostoevsky and Nietzsche (Philosophy of Tragedy)] [Electronic source] / L. Shestov // Russian Way: pro et contra. — 2020. — URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/17_Shestov2.pdf. (accessed: 06.04.23) [in Russian]
16. Fang Shan. Shè sī tuō fū jí [Shestov set] / Fang Shan. — Shanghai: Shanghai Far East Publishing House, 2004. — 39 p. [in Chinese]
17. Zhang Baichun. Dāng dài dōng zhèng jiào shén xué sī xiǎng [Contemporary Orthodox Theological Thought] / Zhang Baichun. — Shanghai: Shanghai Sanlian Bookstore, 2000. — 507 p. [in Chinese]
18. Zhang Biange. Dāng dài guó jì xué zhě lùn tuó sī tuǒ yé fū sī jī [Contemporary International Scholars on Dostoevsky] / Zhang Biange. — Peking: Peking University Press, 2014. — 75 p. [in Chinese]